

Где ты, счастье мое?

Колл. правда. - 1997 - 19 февр.

Композитор Александр Журбин до отъезда в Америку в 90-м году был одним из самых преуспевающих людей в нашей стране. Автор многих популярных в 70-е и в 80-е годы песен — таких, как «Где ты, счастье мое...», «Мольба», «Послевоенное танго», рок-оперы «Орфей и Эвридика», 17 мюзиклов, музыки к более чем полусту кинофильмам и примерно к стольким же спектаклям, теперь живет в самом центре Нью-Йорка — на Манхэттене и в Москву наведывается раз в год. Его нынешний приезд связан с двумя предстоящими премьерами. Одна — музыкальная комедия «Шалом, Америка!» (о том, как встретили за океаном в начале века наших первых эмигрантов). Другая — мюзикл по роману В. Набокова «Камера Обскура» — пройдет весной в столице.

— Когда Александр Вертинский ступил после долгой разлуки на родную землю, у него украли на вокзале чемоданы. К этому, говорят, он отнесся как к должному и только воскликнул: «Узнаю тебя, Россия!» А вы узнали нашу страну?

— Конечно, тем более я ведь тоже потерял в Москве сумочку со всеми документами.

— Сочувствую!

— Но все закончилось благополучно: на следующее утро позвонил «частник», подвозивший меня накануне, и предложил бартер: он возвращает пропажу, а я выплачиваю ему, 1000 баксов. Но такой суммы у меня не было и мы сговорились на более льготных для меня условиях.

— Наверное, он решил, что подвозил не очень благополучного человека. Как вы сами считаете, ваша американская жизнь сложилась удачно?

— Мне грех жаловаться на судьбу. Я стал профессором музыки в самом прямом смысле этого слова (преподаю в одном из нью-йоркских колледжей), в меру сил и возможностей руковожу русским театром, в котором блещет Елена Соловей и играют другие прекрасные актеры, веду еженедельное музыкальное обозрение на русском телевидении в Нью-Йорке и выступаю на русском радио. С американской командой КВН, состоящей, впрочем, сплошь из бывших соотечественников, объездил пол-Америки, и теперь мы собираемся на гастроли в Австралию, точнее — в ее русскую общину (для англоговорящих людей наш юмор непонятен). Наконец, пишу музыку и концертирую.

— Похоже, что вы покорили только русскоязычную Америку.

— Я никогда не обольщался надеждами пробиться в Голливуд или в американский шоу-бизнес, ибо чужаку туда попасть невозможно. Но я горжусь тем, что в начале прошлого года представил американской публике в знаменитом «Карнеги-холл» свою Третью симфонию и другие сочинения и этот концерт собрал более тысячи слушателей. Уверен, что до конца дней моими слушателями и зрителями будут в основном люди русской культуры. А вот моему сыну, получившему в свои 18 лет уже семь национальных премий за композицию среди юных, полагаю, удастся стать своим в новой для него стране.

Но в отличие от других я сразу же подналег на английский язык. И флер загадочности, которым были окружены американцы, пока я не понимал, о чем они беседуют между собой, улетучивался по мере изучения языка.

Выясняется, что говорят они в основном о скучных и прозаичных вещах — о котировке биржевых акций, о модных диетах, о шансах любимой команды по бейсболу... Интересы моих московских друзей куда шире!

— А может быть, все дело в том, что в Москве у вас иной круг общения?

— Пожалуй. Хотя и общение с американ-

американские фильмы и бываю в театрах на премьеры раньше многих здешних абorigенов и могу давать советы гостям Нью-Йорка на тему, как интереснее здесь провести время, где и что посмотреть.

— Это, наверное, откладывает отпечаток и на ваше творчество? Теперь не надо по ночам слушать музыкальные передачи «Голоса Америки», чтобы уловить новые тенденции, скажем, в джазовой или поп-музыке.

— Я человек, который заряжается энергией не столько от природы, сколько от вторичной, что ли, культуры — от шума города, от музыки, услышанной из открытого окна, и, конечно, от музыки, звучащей по телевидению, в кино, в спектаклях. Для меня Америка как для музыканта — это земля обетованная. Земля, подарившая миру джаз, рок, мюзиклы. И если живописцам и певцам надо ехать на стажировку в Италию, то музыкантам, композиторам — в Америку.

— Говорят, в Америку вы влюбились с первого взгляда?

— Так оно и было. Погостив у друзей в 1986 г., мы с женой Ириной Гинзбург решили переехать сюда навсегда. При этом мы не стали избирать из себя диссидентов, людей, обливающих грязью страну, которая нас в какой-то мере сделала людьми. Просто в Америке нам было комфортно и уютно. Но вот я сейчас в Москве — и мне тоже хорошо. Мораль? Она заключается в старом анекдоте: «Рабинович, вы будете наконец эмигрировать? А то вы все мотаетесь туда-сюда». Помните ответ Рабиновича? «Мне так нравится дорога через Париж!» Ну а для тех, кто не понял, поясню —

дело отнюдь не в месте, где ты живешь. Все свое человек носит с собой. Если он несчастлив, то он будет несчастлив в самой прекрасной стране, и наоборот. Все зависит от человека, его установок, его настроения. Я оптимист и чувствую себя уютно везде.

— Знаю, что вас ждут с концертами в нескольких сибирских городах. А вот многие наши знаменитости эстрады, театра, кино зачастили за океан. И говорят, что у иных из них прекрасная пресса.

— Мне не хотелось бы никого обижать из наших «звезд», но если они кого и покорили, то в основном русскоязычных американцев. Ведь большинство из российских гастролеров выступают в ресторанах, школах и в других небольших залах, арендуемых местными представителями русской диаспоры. Ну а если говорить о недавних событиях, то я бы хотел отметить гастроль «Современника», на которых побывали и американцы. Что же касается оценки критиков, скажу, что они разншлись. Как бы то ни было, мечты о взаимопонимании культур пока что далеки от реальности. На эти мысли наводят и полупустые залы в некоторых городах Америки во время гастролей балета Большого театра, и неоднозначная оценка спектаклей «Современника», и мое непросное вхождение в музыкальную жизнь штатов. Я не обольщаюсь своими дружескими связями с видными деятелями американской культуры. Работая в Америке, а публика моя — в России и во всем остальном русскоязычном мире.

Евгений БОГАТЫРЕВ.

фото Андрея ФИЛАТОВА

*Мне, а в Нью-Йорке, нужен уют
на всю жизнь, но больше всего
люблю Москву, а «Комсомолка» —
прежнемая самая любимая газета
Сашки Вал.*

ским театральным людом, профессорами, музыкантами особого удовольствия не доставляет. Убеден, что российский народ намного талантливее американского в массе своей. Но в России очень плохо работает система. Она плохо работала и при царе, и при советской власти. И это не дает талантливым людям полностью реализовать себя.

— Похоже, вы созрели к тому, чтобы возвратиться в Москву навсегда?

— Сказать по правде — нет. Я очень люблю Америку. Но, видно, пока не нашел своего интеллектуального круга общения в американской среде. Зато у нас совершенно прелестное русское общество, куда мы, кстати, пускаем нескольких американцев из числа тех, у кого достаточно широкие интересы.

— Позвольте, Александр Борисович, вам сделать комплимент: для человека пьющего вы выглядите прекрасно.

— К пьющим меня можно было отнести, пожалуй, лишь в мой советский период жизни. А в Америке ни у меня, ни у моих друзей, во всяком случае когда мы стали на ноги, не было повода напиться. Так что отмечаем праздники сухим вином, Америка помешана на здоровье.

— Еще немного, и мы заговорим с вами о модных диетах, как это принято у американцев...

— Скажу по правде, что эта тема — вне сферы моих интересов. Но в чем-то я стал даже большим американцем, чем те, кто становится им с самого рождения. Я смотрю новые